

АГАТА КРЕСТОВА

Н
у
а
р

Д
е
т
е
к
т
и
в

Леонид ШУР

18+

Леонид ШУР

АГАТА КРЕСТОВА

<https://litres.ru/74019968>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Петербурге исчезает Муза.

В Москве поэты убивают друг друга метафорами.

В провинциальном Чистоплюйске 1991 года (том самом, из повести Леонида ШУРА «ПОПОЧАСЫ») находят мёртвую девушку с розовым бантиком на шее. Экс-следовательница Агата Крестова и её соседка сверху Дуня Дунькина расследуют четыре дела. В каждом — русские классики на подозрении. В каждом — жертва с чернилами на пальцах и вырванными страницами.

Достоевский и Чехов. Пушкин и Гоголь. Маяковский и Есенин. Ахматова и Цветаева. Они не авторы — они подозреваемые. Их оружие — не револьвер, а слово. А тот, кто их стравливает, сидит в кресле и носит очки, в которых не отражается лицо.

Роман-кроссворд, где каждая глава — новая фигура: треугольник, прямоугольник, круг, зигзаг. Где литературная классика ходит по реальной столице и вымышленной провинции. Где протокол — это ложь, а правда — черновик, который боится стать чистовиком. И где главный вопрос не «кто убийца», а «кто пишет сюжет».

Готовы ли вы стать частью игры?

Леонид ШУР

АГАТА КРЕСТОВА

Глава 1

ОГЛАВЛЕНИЕ романа «АГАТА КРЕСТОВА».

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПРОЛОГ

РАЗДЕЛ 1.

ЧАСТЬ 1. Топор и ружьё

ЧАСТЬ 2. Муза

РАЗДЕЛ 2.

ЧАСТЬ 1. Козырь и костёр

ЧАСТЬ 2. Слово

РАЗДЕЛ 3.

ЧАСТЬ 1. Трость и шарф

ЧАСТЬ 2. Время

РАЗДЕЛ 4.

ЧАСТЬ 1. Агаты Крестовой

ЧАСТЬ 2. Судьба

ЭПИЛОГ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Рукопись обнаружена в 2026 году в архиве Музея истории Штатского Уголовного Розыска (ШУР). Папка пахла сыростью, старыми чернилами и нераскрытыми тайнами.

Текст содержит стилизованные отсылки к русской классике жанров и ненайденные черновики стихов великих поэтов.

Эта книга — детектив и больше, чем детектив. Не только потому, что нуар, то есть чёрный.

Она, в том числе, о том, как писать книги, но ни на секунду не учебник.

Игры тут не детские.

Я пишу не о прошлом, а о настоящем и будущем.

Не о придуманном, а о том, что прячется за углами реальности.

Я не про критику и не про ненависть.

Я всегда про любовь и счастье — но не те, что куплены через ложь и насилие, а те, что выстраданы и заслужены.

Муза — женщина, которая приходит мучить писателей. Мой как бы соавтор — следовательница и писательница Агата Крестова.

Ну, как Агата Кристи, только в России.

Сюжеты не зарубежные. Только считалка в 1-й главе адаптирована. А так всё по-русски.

В 1-й части каждой главы реальная столица (сперва Санкт-Петербург, потом Москва) — с вымышленными событиями в XIX веке и начале XX века, во второй — вымышленная провинция с настоящими. Это городок Чистоплюйск из моей повести «ПОПОЧАСЫ». Только в 1991 году.

В самом знаменитом романе Достоевского топор — неотъемлемый атрибут главного героя. А Чехов заявлял, что ружьё из первого акта обязательно должно выстрелить во втором. Здесь Достоевский и Чехов — персонажи, а не авто-

ры. Ляпис-Трубецкой, придуманный Ильфом и Петровым, — графоман, которого можно встретить в любом литературном кружке. Пушкин был игроком-картёжником, а Гоголь сжёг 2-й том поэмы «Мёртвые души». Маяковский и Есенин в реальности не дрались, а соперничали. Оба закончили самоубийствами. Или нет? Про Ахматову и Цветаеву, кроме того, что великие поэтессы, и сказать нечего.

Солнце одно, но для каждого своё. Для писателей, например, может отождествляться с образами их произведений (надеюсь вы не забыли школьную программу по литературе).

Все события и персонажи, включая действия писателей, — сказка; любое сходство с прошлым случайно. Или нет? Например, Бенкендорф и Берия объединены в господина-товарища Бе.

Книга собрана по матрице ШУРА.

Это квадрат из четырёх квадратов.

Поэтому роман-кроссворд.

Треугольник — камень-ножницы-бумага.

Прямоугольник — 4 строки стиха.

Круг — нет начала и конца

Зигзаг — кривая дорожка.

В каждом квадрате — своя фигура, свой способ дойти до конца. Бесконечность начинается там, где протокол обрывается, а история — продолжается.

Пролог — это ваше бесплатное приглашение на место преступления. Но настоящая интрига, истинные мотивы и финальный приговор спрятаны в следующих опечатанных делах. Если вы готовы стать не просто читателем, а соучастником, переверните страницу. Первый выстрел уже прозвучал. А правда, как известно, стоит дороже чернил.

Оставайтесь со мной!

Продолжайте читать!

Ваш Леонид ШУР

ПРОЛОГ

В дорогом ресторане «Эрмитаж» благоухало мясом и ананасом, коньяком и табаком.

За круглым столом пировали девять писателей. Пушкин, Достоевский, Чехов, Гоголь, Лермонтов, Маяковский, Есенин, Булгаков, Толстой.

Скатерть была в пятнах от вина и икры.

Это было не заседание художественного совета, а шумный шабаш обречённых.

Но Гоголь смеялся и обнимал Пушкина, пытаясь насильно накормить его креветкой. Пушкин отбивался и пролил шампанское на жилет.

Лермонтов только хмыкнул и щедро долил ему.

Мрачный Достоевский тянулся к графину водки, но Толстой перехватил его руку, по-отечески похлопал по плечу и подвинул тарелку с жареными рябчиками: «Ешь, Федя, плоть укрепляет дух».

Чехов, жуя дольку лимона, подмигивал Булгакову, а Маяковский громогласно требовал добавить оливье.

Скатерть давно превратилась в карту битв: янтарные или алые пятна, крошки, пустая перечница, рассыпанная соль.

Есенин разливал напитки.

Гоголь заворачивал в блины чёрную икру.

— Не переживайте, господа, — у меня чистые руки.

— Спасибо, господин Блинов! — улыбнулся Чехов.

— А всё-таки, друзья мои, — вдруг серьёзно сказал Пушкин, отодвигая рюмку. — Что нам заменяет солнце?

— Парус, — буркнул Лермонтов.

— Революция, — рявкнул Маяковский.

— Берёза, — встрял Есенин.

— Юмор, — вздохнул Чехов.

— Луна, — усмехнулся Булгаков.

— Шинель, — пропыхтел Гоголь.

— Дуб, — прогудел Толстой.

Пушкин поднял указательный палец:

— Язык. Русский язык. Тот, на котором даже ссора звучит как песня.

Лермонтов поднял бокал. Хрусталь звонко стукнул о тарелку. Все замолчали. И почти одновременно выпили — молча, без тоста.

Есенин вдруг вскочил и швырнул в Маяковского коркой хлеба. Маяковский взревел, схватил Есенина, поднял над столом, крепко расцеловал в макушку и прогремел:

— Душа нараспашку, хоть и дырявая!

Гоголь засунул устрицу Пушкину за воротник. Пушкин взвыл: «Ты что, Коля, это же не душа — это моллюск!»

Гоголь обиделся: «А душа, по-твоему, не такая же скользкая?»

Все захохотали. Звон бокалов заглушил даже тиканье часов.

У стены стояли две официантки в белых форменных нарядах.

Блондинка Дуня Дунькина, поправляя розовый бантик, жевала горячий расстегай.

Брюнетка Агата Крестова прятала руки в карманы передника. Ногти в чернилах, которые не отмывались.

— Сыграй, — шепнула Агата. — Что-нибудь, чтобы они притихли.

Дуня села за рояль. Потёрла ладони о передник — будто собиралась не играть, а лепить пельмени. И ударила по клавишам. Она играла по памяти, которой у неё никогда не было, — но откуда-то знала каждую ноту.

Зал одеялом накрыла мелодия, в которой смешались, но не взбалтывались времена года. Зима налезала на весну. Весна рыдала в жилетку лету. Осень курила в сторонке и поддакивала. Казалось, что композитор сочинил такое, проснувшись после трёх суток запоя, сел за инструмент и решил: «А напишу-ка я всё сразу про все сезоны, да чтоб они подрались и подружились».

Писатели замерли. В воздухе застыли бокалы. Внутри каждого ожидало удивительное трёхслойное вино — белое, синее и красное.

Дуня убрала руки от клавиш. На подставке для нот не было ни одного листа.

Тишина накрыла зал. Даже часы на стене остановились.

Чехов встал и захлопал. Поднялись все писатели, и зазвучали громкие аплодисменты.

Дуня встала, поклонилась и отбежала к Агате.

Есенин вытер лицо рукавом.

Булгаков громко прошептал: «Чёрт! Чайковский!»

— Это наше! — рявкнул Толстой. — Всё наше! Я это

ненавижу. И люблю.

Писатели выдохнули. И молча выпили.

Лермонтов отодвинул рюмку и сказал тихо:

— За это можно и умереть. И нужно жить.

Писатели сели и продолжили закусывать осетриной первой свежести.

В дверях показался пожилой метрдотель Кошко. Сухой, как щепка, в безупречном белом фраке. Он поклонился, не сгибая спины.

— Господа, через полчаса закрываемся. Желаете сыграть перед уходом?

— Желаем! — крикнул Пушкин.

— Почему нет? Жизнь — игра! — криво усмехнулся Лермонтов.

— Естественно! — потёр ладони Достоевский.

— Конечно, ты ж игрок! — буркнул Толстой.

— Тогда разрешите Вам представить хозяина заведения, господина Бе! — взмахнул рукой метрдотель Кошко.

Откуда-то сверху зазвучал гимн «Боже, царя храни!» и из темноты появился лысый господин Бе. Точно глыба льда. Белый сюртук, белый жилет, белые перчатки. Лицо гладкое, без единой морщины. Глаза — узкие щели, в которых тонул свет люстр.

Сел на десятый, пустующий с начала вечера стул. Положил на пустую тарелку револьвер. Холодный металл глухо стукнул о ещё тёплый фарфор.

— В обойме десять патронов, — сказал он спокойно, вскинул пистолет к потолку и выстрелил.

Грохот, будто мощными ладонями, ударил по ушам. Сизый дымок поплыл над столом.

Гипсовая пыль посыпалась на скатерть. Один крошечный осколок упал в рюмку Толстому. Лев Николаевич спокойно выловил его пальцами и бросил под стол, не проронив ни слова.

— Девять. По одному на каждого.

Гоголь дёрнул плечом:

— Вы блефуете.

— Проверьте. Ну, кто самый смелый, рыцари круглого стола? Вы в руках ничего тяжелее пера не держали, что ли? Вам слабо? Или мне считалочкой назначать счастливирика?

Булгаков побледнел. Достоевский, наоборот, выдохнул.

Писатели переглянулись.

Чехов медленно протёр пенсне.

— А Вы сами-то стрелять будете?

— Я оплачиваю этот банкет и наблюдаю за вашим поведением. Кому повезёт — умрёт здесь. Кто выживет — будет писать то, что я скажу. Всегда.

Тогда вскочил Пушкин, оббежал стол и встал перед господином Бе.

— Поэт служит только искусству!

— Переходите на службу народу. То есть его законному представителю.

— Я пою моё отечество! — развёл руками Маяковский.

— Ты тоже плохо кончишь! — спрятал лицо в ладонях Есенин.

— Не бойся, я за тобой! — кивнул Лермонтов.

— У вас нет выбора! — прошептал господин Бе, но услышали все.

Пушкин взял револьвер. Взвесил на ладони. Пистолет был тяжёлым, как том романа «Война и мира» в кожаном переплёте.

Дуня замерла с открытым ртом. Агата сжала край подноса так, что побелели костяшки.

— Но умирать в ресторане без публики — дурной тон, — вздохнул Чехов.

Пушкин посмотрел на Бе. Потом перевёл взгляд на Агату. Одну секунду. И кивнул коротко, как секунданту перед

дуэлью.

Ствол холодно коснулся кожи. Палец побелел на курке.

И вдруг навёл пистолет на господина Бе.

— Пушкин, щукин сын, у тебя есть честь?

— А у Вас совесть имеется? — встал Булгаков.

— Саша не играй со злом! — поднялся Толстой.

Внезапно оказавшийся сзади Кошко подпрыгнул и так надавил на плечи Булгакова и Толстого, что оба сели.

— Пушкин, крути уже барабан! — махнул рукой господин Бе.

Агата напряглась, Дуня прикрыла рукой открытый рот.

Пушкин медленно поднёс пистолет к виску и нажал на курок.

Щелчок.

Люстра погасла, как солнце русской литературы.

В абсолютной темноте кто-то всхлипнул. Звякнула упавшая вилка. Запахло порохом и чернилами. И наверху послышался шелест тысяч переворачиваемых страниц.

Свет зажёгся резко, как в операционной. Зал был пуст.

На девяти стульях никто не сидел, словно их никогда не занимали. Десятый отодвинут. Револьвер — на скатерти. Рядом — чернильное пятно, напоминающее очертания виселицы.

Агата вынула из кармана огрызок карандаша и написала на белой салфетке: «Раздел первый. Топор и ружьё».

Карандаш дрожал, но строка легла ровно — будто кто-то водил её рукой.

— Поздно, — сказала Дуня.

— Только начинается, — ответила Агата, подняла глаза и посмотрела в большое зеркало на стене.

В зеркале отражалась другая женщина. Тот же профиль, те же чернильные пальцы. Но взгляд был хищным. А на заднем плане едва колыхалось белое полотнище с красным крестом.

— Это леди Агата Кристи, а за ней английский флаг, — шепнула сбоку Дуня.

Женщина в зеркале шевельнула губами:

— Пиши. Или я напишу за тебя и вычеркну тебя из истории.

Агата моргнула. В зеркале снова была она. Уставшая, с чернилами под ногтями и лёгкой дрожью в пальцах.

Дуня с хрустом дожевала расстегай и вытерла жирные руки о передник.

Метрдотель Кошко из полумрака сделал шаг вперёд.

— Кто это был?

— Эталон, соавтор или конкурент, — пожала плечами Агата.

Кошко посмотрел на пустые стулья. Достал блокнот. Что-то записал, поднял глаза и улыбнулся. По-отечески.

— Славно поработали, девочки. Идите домой. Дело закрыто. Это розыгрыш. Ни один классик не пострадал.

Агата и Дуня кивнули и побежали переодеваться.

Кошко сунул блокнот во внутренний карман, подошёл к телефону, снял трубку и доложил:

— Господин Бе, Крестова и Дунькина в игре.

Свет в зале погас. Теперь — надолго.

АНОНС

Достоевский точит топор. Чехов заряжает ружьё. Агата Крестова ловит Музу, которая сводит гениев с ума. Погоня по мокрому Петербургу. Никакого ванильного детектива. Только кровь, чернила и русская тоска по правде.

Кто без оружия — тот графоман.